

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР

Часть II

(доклады и сообщения по арабистике)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1981

кий момент, когда в живой речи он стал сильно меняться и отходить от унаследованного типа под воздействием ряда факторов: смешения племенных говоров, широкого территориального распространения и интенсивного социального употребления, подверженности субстратным влияниям языков разных систем. В халифате VI—VIII вв. остро почувствовали быстро меняющуюся языковую ситуацию и осознали потребность в нормализации и стабилизации письменного-литературного языка. Тогда были усовершенствованы и окончательно установлены правила арабской орфографии, начала складываться арабская филология.

Создатели арабских филологических теорий и их продолжатели словно бы уже тогда, в VIII—X вв., предугадали рекомендации лингвистов русской и пражской школ XX в. о необходимости стабильной нормы литературного языка для выполнения им важных социальных и символических функций, о желательности строить норму опираясь на оригинальные черты и потенциальные возможности языка. Действительно, арабская филология сильно способствовала стандартизации его литературной нормы и упрочению его позиций. Если благодаря своему внутреннему устройству и историческим условиям развития арабский яз. сохранил к VI—VIII вв. множество архаичных черт, то консервативно ориентированная норма литературного языка, непрерывно поддерживаемая устойчивой традицией, донесла их почти в неизменном виде вплоть до наших дней.

1) В.П.Старинин. Структура семитского слова. Прерывистые морфемы. М., 1963, с.3.

2) H. Fleisch. L'Arabie classique. Esquisse d'une structure linguistique. Beyrouth, 1956, с.37-74.

3) Н.В.Юшманов. Грамматика литературного арабского языка. Л., 1928, с.22; И.М.Дьяконов. Древние языки Передней Азии. М., 1967, с.256.

В.С.ХРАКОВСКИЙ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА В НАЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ АРАБОВ

Грамматическая теория средневековых арабских филологов представляет собой выдающееся достижение лингвистической мысли, не утратившее значение до наших дней. Большое внимание в этой теории уделено синтаксическому устройству предложения: характеристике элементов синтаксической структуры и типов связи между этими эле-

ментами. Ряд синтаксических идей, высказанных арабами, намного опередили свое время и были вновь переоткрыты в современной лингвистике только в XX в. Вместе с тем многие важные, эмпирически наблюдаемые синтаксические явления остались не охваченными теорией, которая, естественно, и не выработала соответствующих понятий и терминов, необходимых для их описания.

Цель настоящей публикации состоит в том, чтобы, во-первых, обратить внимание на одну важную теоретическую идею арабов, оставшуюся неизвестной современной лингвистике, а, во-вторых, в том, чтобы охарактеризовать один тип глагольных предложений, адекватно не описанный ни средневековой арабской лингвистикой, ни современной арабистикой, которая в ряде положений некритически следует за старыми концепциями.

Напомним некоторые основные синтаксические понятия, в терминах которых средневековые арабские филологи описывали структуру глагольного предложения. В качестве образца взяты типовые предложения с прямопереходным и косвеннопереходным глаголом и именными дополнениями, такие как: (1) *kataba l-raḡulu l-risāлата* "Человек написал письмо" и (2) *'atā l-hādīmu bi l-ḡarīdati* "Слуга принес газету". В теоретических работах арабских филологов обычно анализировались глагольные предложения именно такого типа.

Исходным синтаксическим понятием, характеризующим связь между элементами глагольного предложения, является понятие *al-'amalū* "воздействие". Этим родовым термином охватываются все виды связи глагольного сказуемого с другими элементами предложения, выраженными именами. Глаголы по своей природе являются воздействующими на имена, а результат воздействия проявляется в определенном морфологическом оформлении имен, т.е. в их склонении, для обозначения которого используется термин *'i'ḡābun*. Предикативная связь глагола (*fi'lun*) с именем (*'ismun*) в *raf'-e* (= им. падеже) обозначается термином *'iḡāḡun*, а имя подлежащее обозначается термином *ḡāḡun 'ilayhi*. Сказуемым в (1) является *kataba*, во (2) *'atā*; подлежащим в (1) является *al-raḡulu*, а во (2) - *al-hādīmu*. Связь глагола с именем в *naṣb-e* (= вин. падеже), т.е. связь прямого управления, называется *ta'addīn*. Прямым дополнением в (1) является *al-risāлата*. Связь глагола с именем в *ḡarr-e* (= род. падеже), т.е. связь косвенного управления, осуществляемая с помощью предложения, называется *'idāfatun*. Косвенным дополнением в (2) является *bi l-ḡarīdati*.

Имя в *raf'-e* это имя действующего субъекта (*'ismu l-fā'ili*),

имя в *nasb-e* это имя объекта (*'ismu l- maf'ūli*), а имя в *ḡarr-e* присоединяемое имя (*'ismun mudafun 'ilayhi*), которое вместе с частицей *ḡarr-a*, т.е. с предлогом, занимает позицию *nasb-a*. Глаголы, которые присоединяют прямое дополнение в *nasb-e*, это сильные глаголы, а глаголы, которые присоединяют косвенное дополнение в *ḡarr-e* вместе с частицей *ḡarr-a*, - это слабые глаголы. Такова в общих чертах синтаксическая концепция арабов, которая довольно адекватно описывает глагольные предложения с именными дополнениями.

В этой концепции мы хотим прежде всего обратить внимание на понятие *al-'amalu* которое позволяет классифицировать глаголы в соответствии с морфологическим оформлением зависимых от них имен. Традиционное русское и европейское языкознание не создали аналогичного родового понятия и термина для обозначения различных типов связи глагольного сказуемого с зависимыми от глагола именами. Отдельно регистрировалась связь глагольного сказуемого с подлежащим (предикативная связь) и связь глагольного сказуемого с дополнениями (связь управления), причем с синтаксической точки зрения предикативная связь рассматривалась как более важная, чем связь управления, и соответственно подлежащее (наряду со сказуемым) считалось главным членом предложения, тогда как дополнения характеризовались как второстепенные члены предложения.

Лишь в конце 40-х гг. XX в. в советской лингвистике появилось напоминающее понятие *al-'amalu* понятие валентности, которое охватывает все семантически детерминируемые связи глагола с элементами его окружения.¹⁾ Создав это понятие, современная лингвистика пошла дальше и создала также общее родовое понятие для членов предложения, детерминируемых семантикой глагола. Это было сделано Л.Теньером, который понизил подлежащее в ранге и уравнил его с дополнениями.²⁾ Соответственно он предложил называть сказуемое ядром, подлежащее и дополнения - актантами, а обстоятельства, т.е. члены предложения, не детерминируемые семантикой глагола, - сирконстантами.⁺

Рассмотрим теперь глагольные предложения с глагольными дополнениями, синтаксические особенности которых не могут быть адекватно

⁺ Следует подчеркнуть, что мысли Теньера и по сути и по форме изложения весьма сходны с идеями русского ученого А.А.Дмитревского, изложенными еще в конце XIX в., но, к сожалению, не получившими известности.³⁾

атно описаны в рамках арабской лингвистической концепции. Проанализируем следующий пример: (3) *hāwala l-ḡurtiyyu tafriqa l-‘ummāli* "Полицейский пытался разогнать рабочих". В этом предложении у вершинного глагола (*hāwala*) одно сильноуправляемое прямое дополнение (*tafriqa*). Специфика этого дополнения заключается в том, что, будучи формально именным, оно фактически является глагольным, поскольку выражено масдаром, т.е. отглагольным именем. Отличие глагольного дополнения от именного заключается в том, что, подчиняясь как и именное "воздействию" вершинного глагола, оно одновременно является "воздействующим" (=управляющим) словом для своего дополнения (не определения), выраженного именем в род. падеже (*al-‘ummāli*). Говоря иначе, отглагольное имя в позиции дополнения как и спрягаемый глагол в позиции сказуемого обладает способностью управлять дополнениями.

Если в этом предложении глагольная сущность прямого дополнения на морфологическом уровне скрыта за его именной формой, и формально оно вполне вписывается в рамки синтаксической концепции арабов, то иначе обстоит дело с предложением: (3') *hāwala l-ḡurtiyyu ‘an yufarrīqa l-‘ummāla*, которое является синонимичным трансформом предложения (3). В плане выражения предложение (3') отличается от предложения (3), во-первых, тем, что в нем прямое дополнение выражено не масдаром, а спрягаемой формой сослагательного наклонения, вводимой частицей *‘an* и, во-вторых, тем, что это прямое дополнение вершинного глагола имеет свое собственное прямое дополнение, выраженное именем в вин. падеже (*al-‘ummāla*). В этом предложении глагольная сущность прямого дополнения самоочевидна. Арабская синтаксическая концепция такие предложения не анализирует.

Рассмотрим также предложение: (4) *ḡamalṭu abī ‘alā l-‘awdati ‘ilā l-qāhirati* - "Я побудил отца вернуться в Каир". В этом предложении у вершинного глагола (*ḡamalṭu*) два сильноуправляемых дополнения: одно прямое, выраженное именем в вин. падеже (*‘abī*), а другое косвенное, выраженное масдаром в род. падеже, который вводится предлогом (*‘alā l-‘awdati*). Это дополнение по сути своей является глагольным и, завися от вершинного глагола, само имеет собственное именное дополнение в род. падеже, которое вводится предлогом (*‘ilā l-qāhirati*).

Синонимичным трансформом этого предложения является предложение (4') *ḡamalṭu ‘abī ‘alā ‘an ya‘ūda ‘ilā l-qāhirati*. Это предложение отличается от исходного тем, что в нем косвенное дополнение выражено не масдаром, а формой сослагательного наклонения с

частицей 'an, которая также как и масдар вводится предлогом ('alā 'an ya'ūda). Как и масдар, форма сослагательного наклонения управляет своим дополнением в род. падеже, вводимым предлогом ('ilā l-qāhirati).

Это предложение с косвенным глагольным дополнением, анализ которого не предусмотрен синтаксической концепцией арабов, имеет еще одну формальную особенность, не укладывающуюся в существующие теоретические представления. Дело в том, что по укоренившейся традиции принято считать, что "функции предлогов как служебных элементов" состоят в том, чтобы выразить "синтаксическую зависимость имени (подчеркнуто нами - В.Х.) от других слов в составе словосочетания и предложения", ⁴⁾ тогда как в этом предложении предлог 'alā выражает синтаксическую зависимость от вершинного глагола не имени, а спрягаемой глагольной формы сослагательного наклонения, т.е. налицо эмпирический факт, показывающий недостаточность существующей теории. При этом следует подчеркнуть, что случаи сильного предложного управления формами сослагательного наклонения не столь уж редки и характерны для ряда каузативных, аспекттивных, модальных и некоторых других глаголов современного литературного арабского языка. Например, (5) 'inna l-lādi ba'atani 'alā 'an 'aktuba fī ḡiddin wa tasmīnin huwa šaḡiqī l-marhūmi muḥammad taumūr - "Это мой покойный брат Мухаммад Теймур побудил меня писать серьезно и решительно", (6) wa lākinnanā daraḡnā 'alā 'an natakallama kaḡīran qabla 'an na'mala 'ayya ḡay'in "Мы привыкли много говорить, прежде чем что-нибудь сделать".

В свете изложенного можно сделать следующие выводы: (1) средневековая арабская грамматическая теория не может быть использована для адекватного объяснения синтаксической структуры предложений с глагольными дополнениями, (2) особенность глаголов, не выявленная арабскими филологами, заключается в том, что в позиции дополнения лобные глагольные формы, с одной стороны, подвергаются воздействию вершинного глагола, т.е. флектируются определенным образом, а с другой стороны, имеют свои дополнения, т.е. сами воздействуют на зависимые от них словоформы, (3) дополнения к глаголу-сказуемому могут быть как беспредложными, так и предложными, именными или глагольными. Глаголы в позиции дополнения могут формально уподобляться именам (=выступать в форме масдара), но могут употребляться и в спрягаемых формах сослагательного наклонения, и даже в спрягаемых формах имперфекта изъявительного наклонения (ср.: (7) tāba'a l-sayra и tāba'a yasīru "Он продолжал идти"), причем бес-

предложная глагольная форма занимает позицию прямого дополнения, а предложная – позицию косвенного дополнения, (4) предлог одно из средств связи вершинного глагола с его дополнением. Это дополнение может быть и чаще всего бывает выражено именем (в т.ч. и отглагольным), однако, оно может быть выражено и спрягаемой глагольной формой, поэтому традиционное утверждение, что предлог выражает зависимость имени от других слов, является неточным.

Может возникнуть закономерный вопрос, почему из поля зрения арабской грамматической теории выпали предложения с глагольными дополнениями? Очевидно потому, что в основу этой теории положен исходный постулат, в соответствии с которым каждый класс слов выполняет только одну функцию: глагол только воздействует, управляет, а имя только управляется, флектируется. Осталось незамеченным то обстоятельство, что глагол не только всегда воздействует, управляет, но в определенных обстоятельствах (в актантных позициях) может также подвергаться воздействию, управляться. Иначе говоря, теорией не было предусмотрено, что между формой и функцией могут быть различные типы соответствий.

-
- 1) С.Д.Кацнельсон. О грамматической категории. – "Вестник ЛГУ", 1948, № 2.
 - 2) L.Tesnière. *Éléments de syntaxe structurale*. Paris, 1959.
 - 3) А.А.Дмитревский. Еще несколько слов о второстепенности подлежащего. – "Филологические записки", 1878, вып. У1.
 - 4) Э.Н.Милкуров. Основы теоретической грамматики современного арабского литературного языка. М., 1978, 146.

Г.З.ПУМЯН

ЛИТЕРАТУРНАЯ НОРМА И ДИАЛЕКТ В СРЕДНЕВЕКОВОМ АРАБСКОМ ЯЗ.
ПО МАТЕРИАЛАМ "ПУТЕШЕСТВИЯ ПАТРИАРХА МАКАРИЯ АНТИОХИЙСКОГО" (ЛЕКСИКА И МОРФОЛОГИЯ)

Лингвистическое исследование памятников арабо-христианской литературы представляет большой интерес для истории арабского языка. Благодаря обособленному положению иноверцев в странах ислама, язык в этой среде развивался более свободно, подвергаясь постоянному влиянию диалекта.¹⁾ Именно поэтому исследование языка арабо-христианской литературы позволяет восстановить, по словам И.Блау, "недостающее звено между арабским классическим языком и современными арабскими диалектами".²⁾

Важные материалы для разработки этой проблемы дают наблюдения